A high-contrast, black and white close-up photograph of Federico Fellini's face. He has a thoughtful expression, looking slightly to the right of the frame. His dark hair is visible at the top, and his features are rendered with dramatic lighting.

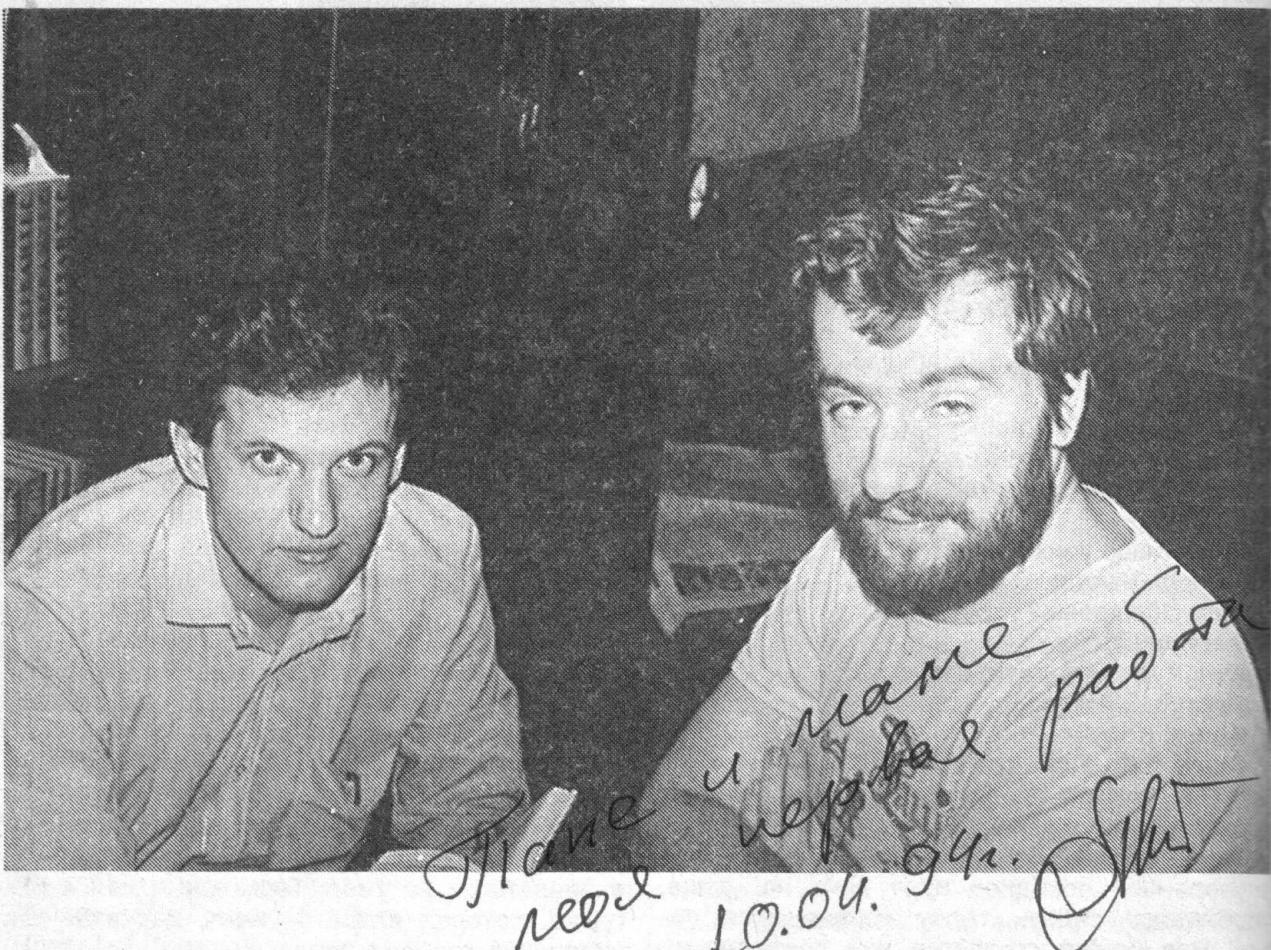
ISSN 0206-8680

Феллини —
Клоун
Божий

КИНО сценарии №1

СЦЕНАРИЙ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА

А.ГОНОРОВСКИЙ, Р.ЯМАЛЕЕВ

ПРИШЕЛ, САМ ЗНАЕШЬ КТО

Участвуют члены семьи
Ремизовых из г. Зорге
Московской области:

- Павел Ильич, отец
- Анна Борисовна, мать
- Татьяна, 18 лет
- Виктор, 17 лет
- Сергей, 14 лет
- Толя, 11 лет

1. Ничего страшного не произошло.
Никого не убили, не изнасиловали, не ограбили.

Наоборот, финал этой истории скорее можно отнести к благополучным.

2. Ясный солнечный день.
Окраина небольшого районного городка.
Плотно прижатые друг к другу дома, построенные еще пленными немцами, стоят креп-

Сценарий продается. Обращаться в редакцию.

кими основательными квадратами.

На горизонте — силуэты новостроек, похожие на веселые, покрытые снегом горы.

Машина съемочной группы медленно пробирается между старыми домами. Останавливается в одном из дворов.

Выходят киношники, разминаются, оглядываются.

3. К ним подходит Толя.

Руки и ноги его не по возрасту тонки, голова коротко острижена.

Толя. Я вас давно жду.

Ему что-то отвечают, но за шумом мотора ничего не разобрать. Взрослые суетятся, разворачивая кабели, проверяя аппаратуру. Кто-то из ассистентов мягко берет мальчика за подбородок, рассматривая, поворачивает голову. Сквозь рабочий шум слабо долетают его слова.

Ассистент (Толе): У тебя другая рубашка есть?

Режиссер (подходя к ним): Не надо другую. Так сойдет.

4. Перебравшись через трубы, покрытые изоляцией, Толя идет к одному из подъездов.

Съемочная группа гуськом следует за ним.

Толя (обращаясь, указывая рукой): Вот наш подъезд.

Две двери: одна тяжелая, обитая жестью, ведет в подвал, другая — к квартирам.

Прежде чем спуститься в подвал, Толя прислушивается.

Толя (удовлетворенно): Можно. Нет его.

Режиссер: Кого?

Толя: Дворника.

Щелкает выключатель. Света нет.

Толя: Бó дает. Лампочки вывернули.

Из окон выглядывают жильцы.

После небольшой заминки съемочная группа вслед за мальчиком исчезает за дверями подвала.

5. Подвал.

Толя уверенно ведет взрослых.

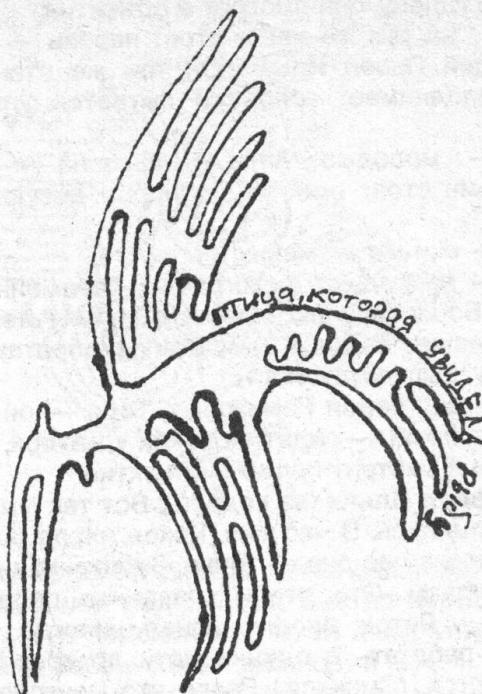
Толя: Осторожно. Здесь труба. Здесь еще одна.

Несущий камеру человек спотыкается.

Неожиданно мальчик исчезает. Сышен его голос.

Толя: Идите сюда!

Он стоит у стены, на которой четкой извилистой линией выведен странный рисунок: очертания большой птицы, зависшей над водой. Рисунок сделан одной графической замкнутой линией, без разрывов и пересечений. Черным по белому.

По команде режиссера медленно высвечивается вся стена, покрытая такими же четкими рисунками.

Режиссер: А это что?

Толя: Где?

Режиссер указывает на самый большой из рисунков.

Толя: Это мы все. Вот мама, Виктор. Татьяна. Сергей читает книгу. Отец...

6. Новый дом Ремизовых.

За открытым окном начинаются пустые светлые поля.

Слышны звуки работы: кто-то стучит молотком, кто-то пилит... Одна из комнат дома напоминает фотолабораторию — увеличитель, кюветы, пленка.

Павел Ильич не спеша подходит к распахнутому окну и раскладывает на подоконнике одну за другой фотографии.

В его движениях нет суеты и торопливости.

Павел Ильич (перебирая фотографии): Жалко — много пропало. Вот эта хорошая была.

Он держит в руках снимок ржавого цвета, на котором уже ничего нельзя разобрать.

7. На экране возникают фотографии. Такие снимки обычно делают фотографы, зарабатывающие «свой хлеб» на улицах:

— ничем не примечательная девушка, стоящая у памятника Пушкина. Она одета по моде семидесятых годов. Это молодая Анна Борисовна;

— вновь Анна Борисовна. Слегка припод-

няв голову, она смотрит в объектив;

— на том же месте стоит парень — это молодой Павел Ильич. Он так же стандартно приподнимает голову и пытается улыбнуться;

— молодые Анна Борисовна и Павел Ильич стоят вместе. В руках у девушки цветы;

— они же — жених и невеста;

— несколько фотографий беременной Анны Борисовны (от снимка с снимку меняется, хорошеет ее лицо — черты приобретают красоту, выразительность);

— вся семья Ремизовых. Толя — он самый маленький — сидит на руках у матери, напряженно смотрит прямо в объектив.

Павел Ильич (за кадром): Вот так мы и познакомились. В час дня. Какое число было, не помню, а час дня — точно. Видите, как головы задираем. Это чтобы глаза «не проваливались». Летом профессионал никогда не будет работать с одиннадцати до трех. Народ щурится. (Смеется.) Разве что монголов снимать. (Пауза.) Я тогда строительный техником кончал, на Горького подрабатывал. Она ко мне с подругой подошла. Сначала я их вместе снял, а потом ее отдельно. (Усмехается мягко.) Бесплатно... Это мы в Сокольниках. Со штатива снимал. Помню, выдержку никак подобрать не мог. Раньше всегда спокойно подбирал, а тут что-то разволновался. Раза четыре менял. Щелкнет, а я думаю: «Нет, не ту поставил...» Это — на свадьбе... Аня легко рожала. И носила легко... Здесь все вместе — только-только в ту старую квартиру въехали.

8. Павел Ильич появляется в кадре.

Он стоит рядом с окном.

Весь подоконник — в фотографиях.

Неожиданно Павел Ильич высовывается из окна, зовет, перекрывая шум работы:

Павел Ильич: Аня! (после некоторой паузы) Аня, иди сюда! (поворачивается в комнату) Не хочет.

Начинает складывать фотографии в коробку из-под обуви. Аккуратно подгибает края, чтобы не мялись.

Павел Ильич: Раньше было много фотографий, а сейчас только три коробки осталось.

9. Подвал.

Ассистенты устанавливают аппаратуру.

Оператор выверяет свет.

Слышны негромкие команды режиссера.

Свет направлен на голую шершавую стену.

Толя: Я готов.

Он переодет для работы в заляпанные известкой рубашку и брюки.

В руках у него инструменты. Рядом — ведро с раствором.

Режиссер: Мы тоже.

Работает камера.

Толя: А с чего начинать?

Режиссер: Давай по порядку. С чего ты обычно начинаешь?

Толя: Со стены. (Подходит к стене, проводит по ней рукой.) Сначала я выравниваю стену. Лучше, конечно, металлической щеткой. (Пауза.) Щетки нет — приходится линейкой.

Толя берет линейку, начинает работать.

Он все больше и больше увлекается.

Выровняв стену, он принимается готовить раствор для грунтовки.

Говорит мало.

Толя: Я делаю мыловар. Беру тесто известковое, мыло, олифу и воду. Воды лучше побольше. Можно ведро. Все, кроме мыла, состройки приношу. (Пауза.) А варю возле мусорки. Раньше в баке варили. (Усмехается.) Его потом слесаря унесли. Ведро приспособил...

Режиссер: Ты все один делаешь?

Толя (не переставая работать, пожимает плечами): Танька раз помогла, и все. (Пауза.) Не любит с ведрами бегать...

Новый дом Ремизовых.

Татьяна — самая старшая из детей.

У девушки фигура спортсменки. Она стоит возле клеток с птицами.

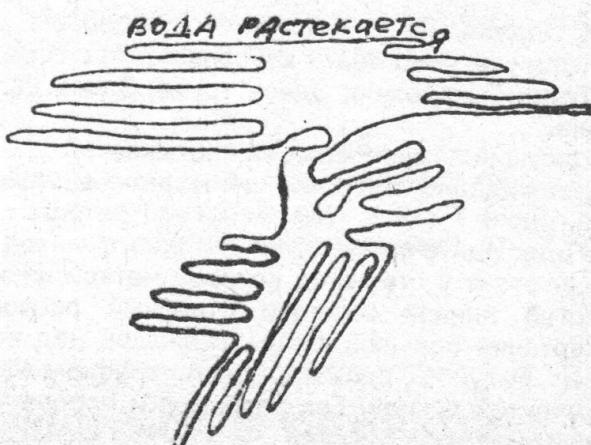
Татьяна: Мы все решаем вместе. (Пауза.) Она наблюдает, как клюют корм неразлучники. Вот случай был. К нам в секцию новый тренер пришел. И немолодой уже. Я ведь биатлонистка. (Пауза.) Он на меня сразу глаз положил. И приставать стал... (Она пожимает плечами.) Пристает и пристает. Пристает и пристает. Девчонки говорят:

— Уходить тебе надо, Таня.

А я перспективной была. Обидно. Так бы со вторым разрядом и осталась. (Пауза.) А сейчас — кандидат в мастера...

Девушка подходит к клетке с морской свинкой.

Увидев капусту в Таниных руках, свинка

начинает возбужденно посвистывать.

Татьяна (продолжая): Я и рассказала. До- ма мы ничего не скрываем. (Пауза.) Отец с Витей сразу к тому тренеру пошли. Ничего страшного. (Улыбнувшись.) Правда, лыжи ему поломали. Хорошие были лыжи. Норвежские, композитные. (Пауза.) Что дальше?.. Я первый разряд получила.

Режиссер: Тебе нравится, как Толя рисует?

Татьяна: Нет. На помятые мишени похоже. (Пауза.) Толика не угадаешь. Позвал рисунки смотреть, а потом помочь попросил... (Улыбнувшись.) Ничего себе помохь: с полными ведрами постройке от сторожа бегать! Мать, когда узнала, ругалась, хотела его поймать — а поймать-то и не может, уже на пятом месяце была.

Режиссер: Я хотел бы у тебя про Анну Борисовну узнать...

Татьяна: Что?

Режиссер: Про эту последнюю беременность.

Татьяна (после паузы): Вы лучше у нее сами спросите.

Режиссер: Она говорить не хочет.

Девушка пожимает плечами.

11. Подвал.

Грунтовка на стене высохла.

Толя начинает рисовать. Он не говорит, не отвечает на вопросы.

Он ведет линию.

Голоса взрослых слышны глухо, отдаются эхом в темных углах.

Группа переговаривается шепотом, наблюдая, как на стене проступают контуры фантастического существа...

12. Новый дом Ремизовых.

Просторная светлая кухня.

Павел Ильич и Виктор варят вишневое варенье в больших медных тазах.

Жарко. Отец и сын в фартуках, голые по пояс.

Виктор, внешне похожий на мать, старается во всем подражать отцу.

Павел Ильич: Может, и странно это, но последний ребенок в семье, он и в тридцать лет ребенок, и в пятьдесят. Он всегда младший, сколько ни расти. (Пауза.) Вот у нас — Таня, Витя, Сережка, Толя... Толя десять лет в младших ходил. Все младшенький, младшенький. Привыкли. Больше мы с Аней и не загадывали. (Пауза.) А тут она говорит:

— Пятый будет.

Я ей:

— Господи ты Боже мой, куда ж пятого?! (Пауза.) Ладно. (Обращаясь к Виктору.) Ну ка, помоги.

Павел Ильич и Виктор, легко взяв прихватками большой медный таз, быстро переставляют его на подоконник. Затем аккуратно переливают варенье в алюминиевый бак.

Павел Ильич: Ну и ладно, говорю... Думали, кто родится — мальчик, девочка? Приметы разные вспоминали.

Виктор: Сережка в книгах смотрел.

Павел Ильич: Кто же знал, что такое будет...

13. Подвал.

Рисунок готов.

Толя оценивающе смотрит на работу, затем открывает банку, на которой написано «Лак». Широкой кистью начинает наносить на рисунок тонкий слой лака.

Режиссер: Это рыба?

Толя: Да, когда был потоп, мне показалось, что я видел ее спину.

Режиссер: А что ты еще помнишь про потоп?

Толя (пожимая плечами): Как вода пошла, помню. Как мама испугалась. Вещи выносили. Сережка тогда очень кричал, когда книги его затопило.

14. Новый дом Ремизовых.

Комната Сергея.

Из свежеструганных досок Сергей делает книжные полки.

Сергей: Хорошие доски. Книги в два ряда

станут. (Пауза.) Я подсчитал, что если на одной полке в среднем шестьдесят книг, то здесь почти все уместится. Отец хотел забор из досок ставить, а я себе выпросил. Их бы все равно не хватило...

На полу сложены в стопки книги, разделены на две части.

Большая часть — книги, испорченные водой.

Сергей: Почти все книги испортились. Мы спали, когда над нами на чердаке трубу прорвало. Еще вечером морские свинки вдруг такой писк-свист устроили. Чуяли, наверное... (Пауза.)

Сергей откладывает в сторону доску, подходит и присаживается рядом с книгами.

Берет в руки одну из них.

Сергей: Вот эта была моей любимой.

Переплет книги порван, высущенные страницы покороблены.

15. Их прежняя квартира после потопа.

Медленное движение камеры:

— коридор — кухня — коридор — комната
— вторая комната.

Над жильем нет потолка.

Сквозь чердачную крышу видно небо.

Сергей (голос за кадром): Мы проснулись от того, что закричала мама. Мы тогда очень испугались, ведь ей оставалось совсем немного до родов. Темно. Отец кричит, чтобы свет не зажигали... (Пауза.) Все что-то кричали. Кинулись к маме, а на полу вода. Горячая. Пар. (Пауза.) На лестнице шум, крик... Соседи... Наши бегают. Танька живность свою спасает. Я — книги. Один Толик ходит, глаза вытаращил, на потолок смотрит. (Пауза.) И тут затрещало. Сильно трещало, страшно. Потолок как лопнет... Только выскоочить успели. Отец Толика последним за шиворот вытащил. Тут все и грохнуло. (Звук падающего потолка.)

16. Подвал.

Съемочная группа и Толя смотрят на рисунок.

Толя: Я правда видел эту рыбку тогда. У нее была серебряная спина...

Режиссер: Мне нравится.

Ассистент (за кадром, негромко): Здорово.

Толя: А вы принесли кислоту?

Ему передают банку с прозрачной жидкостью.

Он выплескивает кислоту на стену.

Ниже рисунка штукатурка, незащищенная лаком, шипит и темнеет.

Толя: Видите, даже кислота не берет.

17. Новый дом Ремизовых.

Маленькая комната, приспособленная под фотолабораторию.

За окном слышен шум работы.

Павел Ильич сидит за столом, глядит перед собой.

Он долго молчит, размышляя о чем-то.

Павел Ильич (медленно подбирая слова): Мы больше не могли жить в той квартире. Потолка нет. Апрель, холодно. Входная дверь не закрывается — разбухла. Косяки повело. (Пауза.) Жену с дочерью в детской спортивной школе устроили, там раньше Таня занималась. Аня в раздевалке спала. На раскладушке... Но приходить туда можно бы-

ло только после девяти. (Пауза.) Витя с Сержкой по друзьям ночевали. А мы с Толей — при вещах. На чердаке у этой же трубы... Так и жили кто где. (Пауза.) Ну а потом Аню в роддом. Родила. Забирать надо. А куда?! (Он поднимает голову, смотрит прямо в камеру.)

Двор перед домом.

Виктор азартно вколачивает гвозди в лежащие на земле балки.

Виктор (не переставая работать): Ходили к властям, ходили. Они говорят — денег нет. У них нет и у нас нет. Что делать?.. (Пауза.) Вот Толик тогда письмо и написал. Есть такая контора в Москве. Где узнал? Из газет, наверное...

Виктор встает, переходит к следующей балке.

Виктор: В этой конторе все четко: правила, обязанности, какие могут случиться трудности, справки за сто лет... (Пауза.) Мы и не знали, что он туда письмо написал. Его не было, когда ответ пришел. Открываю конверт — е-мое! И родителям поначалу говорить не хотел. Так, вломил ему за «инициативу». (Он с силой вбивает гвоздь и откладывает молоток в сторону.) Потом уж сказал. А куда деваться? (Пауза.) Там родителей хороших подберут, богатых. Купить ребенка — это же недешево.

19. Новый дом Ремизовых.

Павел Ильич: Мы вместе всегда решали. Собрались... (Пауза.) Решили — отдадим. Ну,

продали. Продали! (Он говорит все энергичнее, в голосе появляется уверенность.) А кто мне дом построит?! Ты, что ли?! Зато вместе все! (Показывает руками.) Вот оно! Вот он дом!

Виктор (голос с улицы): Отец! Иди сюда!
Поднимаем!

Павел Ильич, прервавшись, выходит из комнаты.

Он идет длинными узкими коридорами.
Камера не успевает за его спиной.

Двор перед домом.

Павел Ильич энергично выходит во двор.
Яркое солнце слепит глаза.

На земле лежат новые ворота, похожие на огромную букву «П».

К верхней перекладине привязаны веревки.

Чернеют две глубокие лунки под столбы.
Вся семья Ремизовых в сборе.

Из-за яркого солнца их лица плохо различимы.

Павел Ильич: Ну что?! Ставим?! (Не дождаясь ответа, подходит к воротам, наклоняется, берется за край.) Взяли!

Вся семья тянет за веревки.

Павел Ильич (командует): И-раз! И-раз!

Ворота медленно поднимаются.

Ремизовы работают дружно, слаженно, поднимая на вид неодолимую тяжесть.

20. Отъезд камеры.

И вот ворота уже поставлены на место.

Семья Ремизовых на фоне нового дома.

Только ворота без створок и без забора отделяют нас от этой семьи.

21. Толя выводит съемочную группу из подвала.

Они оказываются у того же подъезда, в который вошли.

Ассистент: Смотрите, мы по кругу прошли.

Оператор (ассистенту, panoramicno снимая стоящие квадратом дома): У них, видимо, один подвал. Дома разные, а подвал — один.

Группа начинает укладывать аппаратуру, сворачивать кабели. Толя стоит в стороне, наблюдая за сборами.

К нему подходит режиссер.

Режиссер (присаживаясь на корточки, заглядывая мальчику в глаза): Я тебя хотел спросить. (Пауза.) Что же ты письмо-то написал?

Толя молчит.

Режиссер: То письмо, чтобы брата отдать?

Толя (спокойно): Написал. (Пауза.) А что, кому-то хуже стало?

22. Двор. Плотно прижатые друг к другу дома стоят крепким основательным квадратом.

Съемочная группа усаживается в машину.

Машина трогается с места.

Толя смотрит ей вслед.

Он стоит один.

Очень скоро его маленькая фигурка исчезает.

Эпилог.

Съемочной группе удалось узнать, что сын Ремизовых был усыновлен во Франции и назван Кристофером.